

Б. ЯСЮНАЙТЕ, Е. КОНИЦКАЯ

Колесница Пяркунаса
(атмосферные явления в выражениях
с переносным значением: облака)

*Jau saulutė leidžias,
Artyn vakarėlis,
Uždengė šviesumą
Tamsus debesėlis*¹

(из литовской народной песни)

§ 1. Данная работа представляет собой своеобразное продолжение наших предыдущих статей, посвященных сходной проблематике — атмосферным явлениям в литовской и славянской фразеологии, см., например [Jasiūnaitė, Konickaja 2004; Коницкая, Ясюнайте 2006]. Тогда нас больше интересовали различные высказывания с переносным значением, связанные с характерной для северных краев реалией — снегом. Выяснилось, что существуют свойственные нескольким языкам метафоры, которые можно считать своеобразными семантическими универсалиями. Например, такая метафора, как «твердые, мелкие снежинки — крупа», есть у литовцев, русских, белорусов, поляков, лужичан, словенцев, а метафора «снег на земле — большое полотно (покрывало, простыня)» зафиксирована в литовском, русском, словенском языках [Ibid.]. На этот раз обратимся к вопросу, как в выражениях с переносным значением в литовском и русском языках воплощается другая реалья неживой природы — облака. Как известно, это действительно впечатляющее атмосферное явление, от которого в большой степени зависит жизнь и практическая деятельность человека-земледельца, члена традиционного деревенского сообщества. С другой стороны, облака — изменчивые, постоянно меняющие форму и цвет природные объекты, а это позволяет предполагать, что различные этнические группы могут различным образом интерпретировать эти свойства и по-разному выражать это на своем родном языке.

§ 2. Материал для данной работы, как и для прежних работ, собран из словарей большого объема, прежде всего — двадцатитомного «Словаря литовского языка» [LKŽ] и семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» [ССРЛЯ], а также «Словаря

¹ ‘Солнышко спускается, вечер приближается, занавесила свет темная тучка’.

эпитетов русского языка» [СЭРР] и «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля [Даль 1955]. Использовались также разного рода фольклорные тексты: сказки, пословицы, загадки, заговоры, верования, приметы и под. из фольклорных сборников, а также других фольклористических и этнолингвистических работ [Balys 1986; 1993; 1998–2004; МЖРФ; СФ; РЗЗ; СД I–III; Ермолов 1905; Даль 1989; Садовников 1959; Виноградова 2000; Левкиевская 2000]. В них содержатся не только интересующие нас факты, но и дополнительный материал, необходимый для интерпретации собранных в ходе работы данных. Эта статья отличается от предыдущих тем, что в ней обращается внимание не только на выражения с переносным значением, но и на так называемое переносное употребление, свойственное языку отдельных авторов. Для этого мы использовали примеры из различных художественных текстов. Данные для литовского языка были собраны из антологии литовской поэзии в двух томах [LP], произведений А. Венуолиса, Й. Билунаса, Й. Тумаса-Вайжгантаса и некоторых других писателей. Материал для русского языка собран в основном из произведений А. Чехова, И. Бунина, Н. Некрасова, А. Куприна, К. Паустовского, Б. Пастернака, из антологии «Времена года в поэзии серебряного века» [Времена года 2006] и др. Оригинальные метафоры некоторых авторов рассматриваются в основном как ценный вспомогательный материал для анализа выявленных при работе со словарями данных.

§ 3. В вышеназванных источниках обнаружено более ста интересующих нас литовских примеров и примерно такое же количество русских примеров. В ходе анализа установлено, что можно говорить о двояком характере языковых фактов: они представляют собой либо очевидные метафоры и сравнения, либо так называемые метафорические эпитеты. Очевидные метафоры — это, например, литовские выражения *perkūno vežimas* ‘черное грозовое облако, туча’, досл. ‘колесница пяркунаса’ [LKŽ IX: 834]; *velnio plunksnos* ‘перистые облака’, досл. ‘перья черта’ [FŽ: 811]. Метафорическое определение легких перистых облаков очевидно в примере: *Katroj dienoj [debesys] lygiai virkščios — sėk žirnius, valaknas pasitieses — linus* ‘Если в какой день облака как стручки — сей горох, если волокнами вытянулись — лен’ [LKŽ XII: 358]. Здесь имеется в виду, что форма высаживаемого или высеваемого растения должна быть похожа на форму облаков, например, на стебель вьющегося растения — гороха, фасоли, огурца, или же на волокна таких растений, как конопля, лен и др. К характерным метафорическим русским выражениям можно отнести такие, как, напр.: *серые лохмотья туч* [ССРЛЯ VI: 378], *горы облаков* [ССРЛЯ III: 263], *хребты сизых туч* [ССРЛЯ XIII: 374]. Здесь уместно напомнить, что литовцы для обо-

значения интересующего нас атмосферного явления используют одно слово — *debesis*, между тем как русские два: *туча* — ‘большое, темное, обычно несущее снег, бурю, дождь облако’ и *облако* — ‘обычно среднего размера’.

§ 4. Метафорические эпитеты — это производные слова с переносным значением, обычно прилагательные, реже причастия, которые используются со словами *облако*, *туча* или *небо* (лит. *debesis*, *dangus*), напр., в литовском языке: *laiviniai debesys* ‘облака в виде лодки, корабля’ (досл. ‘лодочные облака’) [LKŽ VII: 75]; *plunksnočiai debesys* ‘облака в виде перьев’ [LKŽ IX: 355]; *galvotiniai debesys* ‘черные облака в виде головы’ [LKŽ III: 88]; *kupstuotas dangus* ‘небо, полное маленьких облаков овальной формы, в виде кочек’ [LKŽ VI: 937]; *krūmuotas dangus* ‘небо, покрытое большими облаками в виде кустов’ (досл. ‘кустовое небо’) [LKŽ VI: 705]. По полученным нами данным, число относящихся к облакам литовских метафорических эпитетов примерно равно общему числу метафор и сравнений: первых обнаружено 63, вторых — 62 примера. Метафорических эпитетов подобного рода много и в русском языке, напр.: *облака, легкие и перистые* [ССРЛЯ IX: 1034]; *косматые облака* [ССРЛЯ V: 1499]; *тяжелая, изорванная и лохматая туча* [ССРЛЯ VI: 377]; *пепельно-седое кудрявое облако* [ССРЛЯ VI: 1794]. В СЭРР приводится около 100 эпитетов к слову *облако*, среди них — метафорические эпитеты, такие, как: *барашиковое, волнистое, волнообразное, волокнистое, змеистое, клочковатое, кружевное, кучковатое, пуховое, крутобоковое* и др. [СЭРР: 290]; к слову *туча* — *грудастая, зубчатая, клочковатая, хвостатая*, редкие эпитеты — *брюхатая, нахоленная, черногрудая* и др. [СЭРР: 470]. В ряде случаев метафоричность таких эпитетов уже стерта, и их переносное значение представляется перешедшим на уровень прямого. Это можно сказать по отношению к обычным литовским метеорологическим терминам *plunksniniai debesys*, *kamuoliniai debesys* и их русским соответствиям *перистые облака*, *кучевые облака*. Их метафорическое происхождение не вызывает сомнения. Особенно показателен в этом отношении литовский язык, ср. распространенные в нем характерные сравнения: *debesys kaip plunksnos* ‘облака как перья’, *debesys kaip kamuoliai* ‘облака как клубы (клубки)’, *debesys kaip kupetos* ‘облака как копны’, а также *debesų plunksnos* ‘перья облаков’, *debesų kamuoliai* ‘клубы облаков’, *debesų kupetos* ‘копны облаков’.

§ 5. Анализ переносных выражений удобнее всего начать с очевидных метафор. В первую очередь, здесь нужно упомянуть зооморфные метафоры и сравнения, которых немало как в диалектной речи, так и в фольклорных текстах и в художественной литературе. В различных

источниках обнаружено восемь литовских выражений, в которых упоминаются животные, части их тела или другая атрибутика, напр.: *Atjuoduol[ja] debesis kaip šėmis* 'Приближается облако, как темно-серый бык' [LKŽ XIV: 630]; *Debesys kaip vilkai (labai tamsūs)* 'Облака как волки (очень темные)' [LKŽ XIX: 381]; *Žili debesų avinukai slankiojo dangumi* 'Седые барашки облаков бродили по небу' [LKŽ I: 528]; *Bulvių sodinamas dangus — giedrus, karpytais arba kaip žąsies plunksnos debesimis* 'Небо во время посадки картофеля — голубое, с изрезанными облаками или облаками, похожими на гусиные перья' [LKŽ I: 945]; *Debesys kaip vėdaras (pilkas) kaba, o jam da nelis* 'Облако висит, как брюхо (серое), а он [говорит], что не будет дождя' [LKŽ XVIII: 467]; *Vėjas dangun ritena suakmenėjusius debesis pajuodusiais viršais, šviesėjančiom į apačią papilvėm* 'Ветер поднимает в небо окаменевшие облака с почерневшими вершинами, становящимися светлыми книзу, в подбрюшья' [Andriušis 1992: 191]; *Rytų ir pietų kampe debesis buvo išretėję iki voratinklio* 'На востоке и юге облака поредели до паутины' [LKŽ XIX: 950]; *Tos vėjo debesis išpašytos tei[p] kai vilna* 'Эти растрепанные ветром облака — как шерсть' [LKŽ XVIII: 574]. В русском языке также довольно часты зооморфные метафоры, ср., напр., в загадках: *Шерсть черна соболя, Очи ясна сокола* (туча и молния) [Садовников 1959: 225]; *Бегут кони буланы, на них узды порваны, не догнать, не достать, и не могут они стать* [Калайдина: 10]. Разнообразные метафоры такого рода, иногда очень неожиданные, часты в русской художественной поэтической речи, ср. у Б. Пастернака: *Развалившись, как звери в берлоге, облака в беспорядке лежат* [Пастернак 1998: 427]; *В раскрытые окна на их рукоделье садились, как голуби, облака* [Там же: 195]; в поэзии Маяковского: *Плыли по небу тучки, Тучек — четыре штучки, от первой до третьей — люди, четвертая была верблюдик* ([Времена года 2006: 213]; В. Маяковский); ср. также интересную метафору из прозаического текста: *...и стаи перистых облаков — летучих рыб, заснувших в зеленоватом небе* [Паустовский 1965: 16].

§ 6. В первую очередь, обращает на себя внимание метафора «облако — крупное животное темной масти». Очень часто в виду имеется бык или корова (хотя иногда, как можно видеть по записанному в Марьямполе примсру, это может быть и волк). Такая метафора распространена как в литовском, так и в русском фольклоре, особенно в загадках, ср. литовские загадки: *Senas jautis baubia (debesis, perkūnas)* 'Старый бык ревет (облако, гром)' [LT V: 457]; *Juodas jautis dangų laižo (debesis)* 'Черный бык небо лижет (облако)' [Ibid.]; в русских загадках: *Черная корова небо лижет (туча)* [СФ: 103]; *Ревнул вол за сто сел, за сто речек* [Садовников 1959: 224]; *Тур ходит по горам, турица по до-*

лам: тур свистит, турица мигнет (гроза) [МЖРФ: 345]. В последнем примере, как видим, фигурирует уже вымершее животное — тур, дикий бык. В России, во Владимирской губ., «быками, бычками» называли передовые серебристые и круглые тучи, перед грозой [Даль 1955, I: 149]. В художественных текстах на обоих языках обнаруживается сходная ситуация. Так, в известном стихотворении К. Бинкиса можно найти не только *облачных телят* (лит. *debesų jaučiukai*) [LP I: 450], но и *дойное стадо облаков* (лит. *debesų pieninga banda*) [Ibid.], пасущееся в небе. Образное сравнение облака с медленно, тяжело идущей дойной коровой встречается в «крестьянской» поэзии Н. Некрасова: *И облака дождливые, как дойные коровушки, идут по небесам* [Некрасов 1987: 391]. Облако обременено дождем так же, как дойная корова — молоком. Интересно, что в белорусских полесских заговорах, основанных на принципах магии подобия, несомые облаками осадки напрямую связываются с молоком животных и с изготавливаемыми из него продуктами: молоко — с дождем, сметана — со снегом, сыр — с градом².

§ 7. Другая популярная не только языковая, но и фольклорная метафора — «облако — овечка / барашек». Метафора основывается на внешнем сходстве: как один, так и другой объект — белого или белесовато-серого цвета, курчавый (лохматый), медленно перемещающийся. Вот как эта метафора представлена в литовских загадках: *Mėlynoj pievelėj piemenėlis baltas avis gano (dangus, saulė, debesys)* 'На голубой лужайке пастух пасет овец (небо, солнце, облака)' [LT V: 449]; *Žalios pievelės niekas nešienaua, joje baltos avelės žolės neragauna* 'Зеленый лужок никто не косит, белые овечки на нем траву не едят' [Там же]. В текстах загадок небесное пространство метафорически понимается как луг, а облака — как пасущиеся на нем белые овечки. Здесь можно вспомнить предание, по которому гром и молния — это образ двух сражающихся баранов, живущих на небе³. Метафора «облака — стадо овец» зафиксиро-

² Полный текст заговора, в котором хозяйка обращается к корове, первый раз выгоняемой на пастбище: *Дахаджу я да цябе, кароўка, из хлебам и ласкай, а ты да мяне -- из любисцею и ласкай. Ишло три хмарки на небу: адна хмарка даждевая, а другая снеговая, а трэцяя -- градавая. Як дождь, дай Бог малачко, як снег -- сметану, як град -- сыр.* Заговор записан в Гомельской области и как пример приводится в [Толстой 1997: 260].

³ Приводим фрагмент этого интересного текста, записанный в Дусетос: *Tik žiūri -- išėjo iš vieno debesio avinas su dideliais ragais, ir iš kito debesio toks pat, ir kad susibadė ragais, tai iš jų net ugnis sužaubavo ir taip smagiai suterškėjo, kad net miške medžiai nukriokė. Tai matai, iš kur griausmas griaudžia ir ugnis žaibuoja* 'Только смотрит -- вышел из одного облака баран с большими рогами и из другого облака -- такой же, и как столкнулись они рогами, что в лесу даже деревья затрещали. Так вот, видишь, откуда гром гремит и молния огнем блещет' [Balys 1998–2004, I: 59].

вана и в литовской художественной литературе, напр.: *Net tie maži debesėliai, išsisklaistę po mėlyną dangaus jūrą, stovėjo nesijudindami, kaip romiai ėdančių baltų avelių būrelis* 'И даже эти маленькие облака, рассыпанные по голубому морю неба, стояли неподвижно, как мирно пасущееся маленькое стадо белых овец' [Biliūnas 1954–1955, I: 154]. В художественных текстах вообще чаще, чем в разговорной речи, встречается различная атрибутика, связанная с этим животным: «облако — шерсть, пряжа; меха; белая шубка» и под.⁴ В русском языке эта метафора лексикализована: слово *барашки* (pl. tap.) как в литературном, так и в диалектном языке означает *маленькие кучевые облака* [ССРЛЯ I: 274], см. записанный в Псковской обл. пример: *Дажжа ня будет, фсе нѣба барашками* [ПОС: 117]⁵.

§ 8. К числу животных, с которыми метафорически связываются облака, в русском языке относится также конь. Как и в метафоре «облако — овечка», основанием служит внешнее сходство по цвету, «лохматости», способности перемещаться, но, в отличие от медленного перемещения «облака-барашка», «облака-кони (лошадки)» перемещаются быстро: *скачут, летят* и под., напр.: [*Астахов*] *недоверчиво оглядел взлохмаченную, ослепительно яркую листву деревьев, вздымленные ветром белогривые облака* [СЭРР: 290]; *Да над сосной курчавой скачка каких-то пегих облаков* ([Времена года 2006: 304]: Н. Гумилев)⁶.

§ 9. Довольно часто облака связываются с птицами и их атрибутами, напр., сравнение «облако — гусиное перо», записанное на севере Литвы, в Грузий. Фольклорную метафору «облако — птица» находим в текстах загадок, напр.: *Skrenda varna — taukai laša (debesis ir lietus)*

Мотив животных, живущих на облаках, может быть очень древним, ср. в [СД III: 502–503] о небесных стадах в поверьях славян (сербских, болгарских, чешских и др.).

⁴ Ср. такие примеры: *Ploni, gauruoti it iškedentos vilnos debesėliai* 'Тонкие, коматые, как растрепанная шерсть, облака' [Vieniuolis 1954 II: 7]; *Pradriks kur netyčiomis debesų kailiniai* 'Кое-где нечаянно прорвется шуба облаков' [Vaižgantas 1969, I: 43]; *Lyg baltas kailis driekias debesys* 'Словно белая шкурка стелятся облака' ([LP II: 514]: J. Vaičiūnaitė).

⁵ Метафора активно используется в русской поэзии, напр.: *А небные барашки-облака?* ([Времена года 2006: 24]: И. Северянин); *Вот плывут облака, как барашки* ([Там же: 305]: А. Белый), а также в детской поэзии, напр.: *Ветерок пасет овечек, Дунет он — летят овечки Воду пить от речки к речке. Пьют без усталы, пока Не нальются их бока* [Стихи для детей].

⁶ Эта метафора известна и у других народов. Так, тюркские народы особенно почитают белых лошадей, якутский бог — покровитель лошадей живет на небе и имеет образ коня. Когда шаман в его честь лил в огонь кумыс, на середину неба выплывало белое облако, из которого с громким ржанием появлялся белый конь [Потапов 1977: 165–166].

‘Летит ворона — капает жир (облако и дождь)’ [LKŽ XVII: 279]; *Paukštė šmaukštė per marias lėkė, o uodega gvoltu rėkė (debesis, perkūmas)* ‘Быстрая птица через море летела, хвост криком кричал (облако, гром)’ [LT V: 457]; *Gandras padangėje, gandro kojės žemėje (debesis ir lietus)* ‘Аист в небесах, ноги аиста на земле (облако и дождь)’ [Ibid.]. В русской фольклорной традиции тучи и облака также метафорически понимаются как огромные птицы: *Летит орлица по синему небу, Крылья распластала, солнышко застлала (туча)* [МЖРФ: 337]; *По синему морю белые гуси плывут* [Калайдина: 10]; *Крикнул ворон на сто городов, на тысячу озер* [Садовников 1959: 224]⁷. Метафора «облако — птица (или ее атрибуты — пух, перья, крылья)» широко представлена также в художественной литературе на обоих языках. В упоминавшейся выше поэзии К. Бинкиса находим: *Šilkasparniai debesėliai saulės blizgančioj šviesoje lyg ant marių baltos burės dangaus křištole plaukioja* ‘Шелковистые перья облаков в блестящем свете солнца, словно на море белые паруса, плавают в кристальном небе’ [LP I: 439]; у него же облака уподобляются стае лебедей (лит. *gulbių pulkas*) [Ibid.]. Для Э. Межелайтиса темные грозовые облака — вороны: *Išvaitęs tuos debesis — juodus varnus* ‘Разогнав эти тучи — черных воронов’⁸ [LP II: 281]. «Крылья облаков» встречаются и в русской литературе, напр.: *Громадная туча поднималась из-за лесу и все ширилась, тихо раскидывая по небу свои крылья* [ССРЛЯ V: 1752]; ср. также в поэтической речи у В. Набокова: *В лазури облако блеснуло, Как лебединое крыло* [Времена года 2006: 71].

§ 10. Собранный нами материал показывает, что в литовской диалектной речи популярны не только зооморфные, но и биоморфные метафоры и сравнения облаков. До сих пор было зафиксировано восемь таких случаев, например: *In dangaus vis esti sėmenijės: katroj dienoj lygiai virkščios — sėk žirnius, valaknas pasitiesęs — linus* ‘На небе обычно есть мелкие облачка: в какой день как стручки — сей горох, волокнами вытянулись — лен’ [LKŽ XII: 358]; *Žirniai reikia sėti, kada ant dangaus debesys kaip žirniai (smulkūs)* ‘Горох надо сеять, когда на небе облака как горох (мелкие)’ [Balys 1986: 57]; *Kai debesys virkščiom išsitiesę — sėt žirnius* ‘Когда облака вытягиваются стручками — сеять горох’ [LKŽ XIX: 558]; *Debesys kai varpa (mažas), o lyja kaip iš botago (smarkiai)* ‘Облако

⁷ Связь облака с птицами известна во многих традициях. В южнославянских странах, напр., в Болгарии, существует поверье, что опасное для побегов и винограда облако с градом приводит огромный орел. Чтобы отпугнуть злую птицу, болгары стреляют из ружей [Ермолов 1905: 173].

⁸ Эта метафора, как упоминалось выше, зафиксирована и в литовских фольклорных текстах.

как колос (маленькое), а льет как из ведра (сильно)⁹ [LKŽ XVIII: 287]; *Plačioms skiedroms dangus būs skiedrotas, o siauroms rykštėms būs rykštėtas (nuklotas retais, menkais debesimis, kurie gali būti platesni arba siauresni)*¹⁰ ‘(Если) небо как в широкие щепки — будет «щепочное», а в узкие розги — «розговое» (покрытое редкими, незначительными облаками, которые могут быть или широкими, или узкими)’ [LKŽ XII: 871]; *Miežius reik sėti, kad ant dangaus tokios sruogos yr kaip miežių varpos nulinkusios* ‘Ячмень надо сеять, когда на небе такие стручки, как у ячменя склоненные колоски’ [LKŽ XIII: 1003].

§ 11. Как видно по приведенным примерам, распространенные в литовском языке биоморфные метафоры и сравнения чаще всего представляют собой советы сельскохозяйственного характера, при каких погодных условиях земледельцу надо сеять или сажать различные культуры (лен, горох, ячмень). В них дается настоящий совет сеятелю посмотреть на форму облаков, прежде чем приниматься за работу. Если облака длинные, тонкие, похожие на стручки гороха или маленькие, круглой формы, как горошинки, то хорошо уродится горох; если облака напоминают склоненные колосья ячменя — можно дожидаться хорошего урожая ячменя; а если легкие облака похожи на волокна льна — вырастет красивый, долгий лен. Эти советы основываются на магии подобия (имитации) и призваны обеспечить сеятелю удачу в ведении хозяйства. Отсюда часто встречающееся сравнение формы облаков с различными растениями, которое, как мы видели выше, имеет скорее практический, а не эстетический характер. Неслучайно и само слово *sėmenija* [LKŽ XII: 357] в восточных литовских говорах означает или ‘подходящее для сева время’ (Дусятос, Таурагнай, Утяна, Купишкис), или ‘мелкие облака, рассыпанные по небу’ (Таурагнай, Купишкис), точнее, ‘благоприятную для хорошего урожая картину из облаков на небе’. Интересно, что в русском фольклоре практически не удалось найти примеры подобного рода¹¹; у других славянских народов такие факты тоже редки, хотя и встречаются, ср. украинское поверье: *Картошку надо сажать, когда по небу ходят облака-барашки, приговаривая: Шоб така ся картопля*

⁹ Дословный перевод фразеологизма *lyja kaip iš botago* ‘льет как из ведра’ — ‘льет как из кнута’.

¹⁰ То есть большие, широкие легкие облака напоминают щепки, а узкие облака продолговатой формы в виде линий или черточек ассоциируются с узкими ветвями дерева, розгами. Обычно, как видно и по приведенному примеру, в таких случаях используются метафорические эпитеты к слову *dangus* ‘небо’: *skiedrotas dangus* ‘небо в щепках’, *rykštėtas dangus* ‘небо в розгах’ и под.

¹¹ За исключением примера с неустановленным первоисточником: *Сей овес, когда по небу ходят густые, крупистые облака* [ВБСХ].

була рясна, як на неби хмара густа! | Усачева 1999: 546]. Другие советы по севу (учесть фазы луны, направление ветра, различные фенологические явления, характер осадков и под.) в славянском и литовском мире обычно совпадают, а широко распространенный в Литве совет обратить внимание на форму облаков очень слабо представлен у славян¹².

§ 12. Интересны и выразительны те примеры, в которых облака сравниваются с различными объектами неживой природы. В литовском языке обнаружены пять разных случаев, которые можно отнести к этой группе, напр.: *Aukšti kalnai — juoddebesiai — tai cigonų užklojims* ‘Высокие горы — черные облака — это одеяла цыган’ [LKŽ IV: 398]; *Iš rytų pusės kupetuoti debesys užkrovė padangę ir išpuošė ją kalnais ir visokiais kloniais* ‘С восточной стороны клубы облаков закрыли небо и изукрасили его горами и разными долинами’ [LKŽ VI: 925]; *Sunkus lyg švinas debesys gauruoja (pamažu slenka)* ‘Тяжелая, как свинец, туча клубится (медленно ползет)’ [LKŽ III: 171]; *debesų šarmas (šerkšnas)* ‘иней облаков’ [LKŽ XIV: 522]; *Kartais lyg stogai, lygu žemės gabalas, rodos, važiuojas [sunkus, tamsus debesis]*; *kartais nelyna, važiuona i nuvažiuona ans* ‘Временами как крыши, временами как комья земли, кажется, как будто едет [тяжелое, темное облако]; иногда дождя не случается, оно едет и уезжает’ [LKŽ XVIII: 426]. Как можно заметить, в эту группу попадают в основном сравнения темных, клубящихся, предвещающих плохую погоду облаков с формами рельефа — горами и холмами, с металлом темно-серого или сине-серого цвета (свинцом, сталью) или же с комьями земли (возможно, последнее сравнение не является традиционным, а относится к ситуативным)¹³. С элементами пейзажа — горами, холмами облака обычно сравнивают и в русской речи, напр.: *горы облаков* [ССРЛЯ III: 263]; *хребты сизых туч* [Там же: 374].

§ 13. Надо сказать, что в обоих языках примеров этой семантической группы, довольно пестрой по своему составу, гораздо больше в

¹² Показательно, что в литовских примерах из разговорной речи облака чаще всего сравниваются с различными частями растений — со стеблями, колосьями, зсриями, волокнами, но не с цветами. Можно думать, что таким образом также подчеркивается практическая, утилитарная направленность советов по севу. В противоположность этому, в русском фольклоре вообще не нашлось подобных примеров, а в художественных текстах нам удалось обнаружить красивые биоморфные метафоры, напр.: *И облака в предутреннем огне цветут и округляются как розы* [Бунин 1990: 96]; *Высокое небо с единственный облаком, похожим на кисть винограда, отразилась в воде* [Паустовский 1965: 93]; *На ветке облака, как слива, златится спелая звезда* ([Времена гола 2006: 21]: С. Есенин).

¹³ Иначе говоря, создано во время акта речи при виде какого-нибудь бросающегося в глаза объекта, а не используется по памяти как уже готовая устоявшаяся формула.

художественных текстах, чем в диалектных или фольклорных. Это понятно, так как автору художественного произведения часто приходится изображать небесный пейзаж с облаками — сложную, многоплановую картину, на которой различные образы и фигуры наслаиваются друг на друга, а цвет и освещение постоянно меняются. Наряду с уже упомянутыми метафорами «облако — гора (холм)», «облако — долина (равнина)» и «облако — металл», в художественных текстах можно найти метафоры «облака — море (океан)», «облака — острова, небо — море», «облака — пепел», а также метафоры, сближающие облака с другими атмосферными явлениями: «облака — снег», «облака — дым», «облака — туман» и др. Подобные образы встречаются в литовских прозаических текстах, когда авторы стремятся воссоздать впечатляющий вид холмистых облаков, напр.: *Čia pat po mano kojų gulėjo balta debesų jūra* 'Тут же, под моими ногами, лежало белое море облаков' [Biliūnas 1954–1955, I: 101]; *Bekraštis šemų debesų okeanas* 'Бескрайний океан сизых облаков' [Vienuolis 1954, VII: 295]; *Imeretijos kalnuose susitikome su debesų salelėmis* 'В горах Имеретии мы столкнулись с островками облаков' [Ibid.: 301]. Оригинальная метафора «облако — плывущая льдина» встретила в профессиональной литовской поэзии, в творчестве известных поэтов С. Нерис и Й. Айтиса, например: *Padangių nemuni pietys ritena debesų lytis* 'По небесному нема ну южный ветер катит льдины облаков' ([LP II: 29]: S. Nėris); *Laukas, kelias, pieva, kryžius, šilo juosta mėlyna, debesėlių tankus išas ir gaudi, gaudi daina* 'Поле, дорога, луг, крест, голубая полоса пуши, густая шуга¹⁴ облаков и грустная, грустная песня' ([LP I: 43]: J. Aistis). Метафоры, перечисленные выше, широко распространены в русской авторской литературе, напр.: ...*гряда облаков, висящих в небе очень далеко, пожалуй, над Мраморным морем* [Паустовский 1965: 77]; *Большое озеро как блюдо. За ним — скопление облаков, Нагроможденных белой грудой Суровых горных ледников* [Пастернак 1998: 494]; *Бесконечная волнистая равнина сгустившихся облаков, целая страна белых рыхлых холмов развернулась перед моими глазами* [Бунин 1983: 233]; *Необозримый океан белых застывших волн, сияющих под солнцем, необозримый образный слой* [Там же: 234]¹⁵; *В синем море небе островами стояли кое-где белые прекрасные облака* [Бунин 1987: 282]; *Он любил эти плавучие материки, пропитанные влагой* [Паустовский 1965: 16]; *Перистые облака, похожие на рассыпанный снег* [Чехов 1986: 72]; *Осталась одна только бледно-багровая полоска,*

¹⁴ *Шуга* — плывущий по реке мелкий лед, часто имеющий причудливую, притягательную для глаз форму.

¹⁵ В обоих случаях И. Бунин изображает вид облаков, открывающийся сверху.

да и та стала подергиваться мелкими облачками, как уголья пеплом [Там же: 133]; Извилистые края прихотливых облаков отливали расплавленным серебром [Куприн 1985: 31]; С моря неслись облака, легкие, как туман [Паустовский 1965: 24]; Высокие облака расходились тонким, белым дымом [Бунин 1984: 160]¹⁶.

§ 14. Нередко в изменчивых формах и образах облаков представитель традиционного общества усматривает человеческую фигуру или какой-либо другой объект, связанный с человеком. У нас всего несколько таких литовских примеров: *Vakar nelij[o], ale va šitieji žydai (tamsūs debesys) tęsiasi (slenka dangumi)* 'Вчера не было дождя, но вот эти евреи (темные облака) тянутся по небу' [LKŽ XVI: 110]; *Rugiai sėti, kai dangus apsikoręs ilgas, mėlynais kasų pavidalo debesimis* 'Рожь надо сеять, когда небо покроется долгими, синими облаками в форме кос' [Balys 1986: 10]. Первое сравнение, скорее всего, возникло вследствие наблюдений над одеждой евреев: они обычно носили длинные темные одежды, длинные волосы и бороду¹⁷. Во втором примере, где упоминаются облака в виде кос, скорее всего, имеются в виду не сплетенные, а распущенные длинные волосы женщины. Примеры, в которых облака сравниваются с длинными, свалывшимися волосами, часто встречаются в русском языке, напр.: *сизые, в седых лохмах тучи; черные лохмы туч* [ССРЛЯ VI: 378]; *В небе белыми и прозрачными космами недвижимо висели облака* [ССРЛЯ V: 1503]. Аналогичные случаи представлены в прозе и поэзии И. Бунина, напр.: *По туче в космах мертвенно-седых* [Бунин 1990: 138]; *[Ветер] нагонял зловецкие космы пепельных облаков* [Бунин 1987: 30];

¹⁶ Количество приведенных примеров из художественной литературы, на наш взгляд, оправдано большим разнообразием метафор.

¹⁷ Образ «облако, похожее на человека» нетрудно найти в профессиональной литовской поэзии, особенно футуристической (современной), например: *Slenka debesys lyg vagys, sysikūprinė, piktī* 'Ползут облака, словно воры, сторбившиеся, злые' ([LP II: 29]; S. Nėris); *Debesų fakyrai medžių šakomis nusvyro* 'Облачные факиры спустились по ветвям деревьев' ([LP I: 468]; J. Žlabys-Zengė); *Tingūs debesų atletai slankioja po žydrą dangų* 'Ленивые атлеты-облака бродят по голубому небу' ([LP II: 159]; S. Anglickis). Эти удачные выражения, вводящие в текст чужие («заморские») реалии, интересны тем, что поводом к их появлению, по всей видимости, послужил внешний вид, будь то традиционный облик факира (белая одежда, тюрбан, седая борода) или же плотное сложение атлета-спортсмена. Интересно, что в русской художественной литературе сравнение «облако — человек / люди» чаще связывается не с заморскими реалиями, а со странниками, путниками (в поэзии М. Ю. Лермонтова), солдатами и под., например: *Шли пыльным рынком тучи, Как рекруты, за хутор, поутру* [Пастернак 1998: 140]; *И жарко белым облакам грядиться, строясь в батальоны* ([Времена года 2006: 121]; Б. Пастернак); *Как и встарь, месяц облаки водит, словно древнюю рать богатырь* ([Времена года 2006: 29]; С. Клычков).

в поэзии Б. Пастернака находим: *Седого облака вихор* [Пастернак 1998: 420]. Думается, что метафора «облако — лохмы, космы» в большей степени свойственна русскому, а не литовскому языку¹⁸. Любопытны также другие метафоры и сравнения, связанные с частями тела человека, обнаруживающиеся в русской поэзии, напр.: *Из-под ладоней мокрых облаков* [Пастернак 1998: 239].

§ 15. Антропоморфизация облаков представлена в литовских загадках, напр.: *Marikė rikė padangiais lakstė, kukuliais drabstė (debesis ir lietus)* ‘Марике-рике в небе бегает, клецками кидается (брызгается) (облако и дождь)’ [LT V: 457]. Интересно, что здесь облако названо женским именем Марике. Болгары во время колядования приглашают облака на ужин, называя их при этом человеческим именем: *Герман, Герман, туча! Приходи к нам ужинать! Сейчас придешь, а летом чтобы мы тебя не видели* [Виноградова, Толстая 1995: 172]¹⁹. Здесь можно усмотреть эфемистическую тенденцию: люди хотят обезопасить поля от градового облака, поэтому и стараются всеми способами угодить ему²⁰.

§ 16. Следует заметить, что в литовском детском фольклоре очень распространены короткие песенки для отгона облаков, с помощью которых стремились отогнать в другую сторону нежелательный дождь, так как во время дождя пастухам трудно пасти скот. В этих песенках можно найти многочисленные специальные формулы с призывом к облакам развернуться в сторону соседних краев, чаще всего прусских или белорусских, например: *Debesėli, tėveli, nukeliauk ant Prūsų!* ‘Облачко, батюшка, отправляйся на прусов!’, *Juodbruvėliai debesėliai, ant Prūsų, ant Prūsų!* ‘Смуглые тучки, на прусов, на прусов!’, *Debesėli pragarėli, gudų šalin* ‘Тучка-ад²¹, в сторону белорусов’, *Debesy bėgesy,*

¹⁸ В литовских художественных текстах встречается выражение *debesų gaurai* ‘космы облаков’, напр.: *Greit atsibosta spoksoti į vienodus žemų debesų gaurus* ‘Быстро надоедает смотреть на низкие космы облаков’ [Vienuolis 1954, VII: 296]. Слово *gaurai* ‘космы, лохмы’ может применяться как по отношению к человеку, так и по отношению к животному. Тот же корень с другой огласовкой обнаруживается и в литовском диалектном названии облака — *gurus: Išėjo gurus (didelis debesis), bus didelis lietus* ‘Показались космы (большое облако), будет большой дождь’ [LKŽ III: 760].

¹⁹ В этой связи стоит отметить, что Герман в болгарской и сербской традиции — святой, управляющий тучами (наряду со св. Еленой, Саввой, Козьмой и Дамианом), см. [СД I: 152].

²⁰ О подобных явлениях в языке литовского фольклора см., напр., [Jasiūnaitė 2005: 48].

²¹ В литовском языке широко распространены уменьшительно-ласкательные формы, такую форму можно образовать даже от существительного *pragaras* ‘ад’. В данном случае это оправдано просительным обращением, стремлением задобрить тучу.

gudo šonan! ‘Туча быстрая, в сторону белорусов!’; *Debesėliai juodulėliai, gudų šalėlėn!* ‘Тучки черненькие, в сторонку белорусов!’; *Debesų šepety, pro šalį, pro šalį!* ‘Туча-щетка, [промчись] мимо, мимо’ (все примеры из: [Balys 1998–2004, I: 241–243]). Примечательны обращения в этих фольклорных формулах: к облаку (туче) обращаются, используя термины родства (*батюшка*, лит. *tėvelis*), что является своеобразным комплиментарным эвфемизмом; в обращениях *juodbruvėli, juodulėli* ‘смуглый, черненький’ подчеркивается темный цвет грозовой тучи. Рифмованным обращением *Debesų bėgėsy* ‘быстрая тучка’ она словно призывается быстрее убежать прочь. Некоторые обращения, такие, как *Debesėli pragarėli*, не совсем любезны, с их помощью, очевидно, выражается желание избавиться от нежелательного явления природы. Здесь же обнаруживается неожиданная и совершенно не свойственная русскому языку метафора «туча — щетка»: темное облако (туча) может быть колючим, с торчащей щетиной²².

§ 17. Иногда в выражениях с переносным значением облака связываются с мифологическими существами. У нас есть три таких литовских примера: *Velnio plunksnos pasirodė — lauk lytaus* ‘Появились чертовы перья — жди дождя’ (имеются в виду перистые облака) [FŽ: 811]; *Jau lis — atšėmuoja debesys nuo girios kaip baubas* ‘Уже начнется дождь --- со стороны леса приближается ссрая туча как страшилище (пугающее детей существо)’ [LKŽ XIV: 631]; *Perkūno vėžimas* ‘колесница Пяркунаса’ (черное грозовое облако) [LKŽ IX: 834]. Записанный в Платяляй (Жемайтия) фразеологизм *velnio plunksnos*, возможно, связан с тем, что черт в фольклорных текстах иногда появляется в зооморфном образе птицы (обычно черного ворона). Понятно, почему темная туча ассоциируется с детским страшилищем, которое представляется как темное, бесформенное, пугающее существо. Из этой группы примеров самым интересным, вероятно, является выражение ‘колесница Пяркунаса’, давшее название статье. О нем стоит поговорить более подробно.

§ 18. Появление интересующего нас выражения, очевидно, связано с мифологическими представлениями, например: *Žmonės perkūnų vaizduojasi kaip senį su žila barzda, važiuojantį ugnies vėžimu* ‘Люди представляют себе пяркунаса (гром) как старика с седой бородой, едущего

²² Чтобы разогнать тучи и охранить дом от грозы, в литовской традиции принимают и следующие магические действия: размахивают кочергой или метлой для печи; тянут листья девяссила; звонят в колокола; плетут венок из девяссила, сжигают его, а дым выпускают через трубу; выносят на улицу пасхальную скатерть (все примеры взяты из [Balys 1998–2004, I: 67–68]). Похожим образом ведут себя и русские: *Когда гром гремит, выноси лопату во двор* [Даль 1989: 377]; *Лопата, отгребай. Клюкой отгребай, а помелом отметаи* [РЗЗ: 167].

на огненной колеснице' [Balys 1998–2004, I: 48]; *Žmonės perkūnų įsivaizduoja sėdintį ratuose ir važinėjantį po dangų* 'Люди представляют пяркунаса сидящим на колеснице и едущим по небу'²³ [Ibid.: 49]. Позднее соответствие Пяркунаса — Илия, библейский пророк, имя которого в литовском диалектном языке принимает форму *Alijošius*: *Alijošius važiuoja per debesis dideliu vežimu, užkinkytu ketvertu arklių* 'Илья едет по облакам в большой колеснице, запряженной четверкой лошадей' [Ibid.: 56]. В традиционных русских представлениях *Илья-пророк развезжает по небу на огненной колеснице* [Даль 1989: 352]. Для русских св. Илия — повелитель туч, он пасет облака на небе²⁴, в случае необходимости отвозит их на своей колеснице в определенное место [Левкиевская 2000: 89]²⁵. У литовцев эту функцию выполняет св. Она (Анна), которой молятся во время грозы [TD III: 192]²⁶. Кроме того, в литовской фразеологии упоминается также старый повелитель туч — пяркунас, напр.: *Kur siuntinėji mergučę kaip perkūnas debesį?* 'Куда посылаешь девушку, как пяркунас облако?' [LKŽ XII: 605]. Интересно, что даты празднования дней святых-повелителей туч и облаков в календаре почти совпадают: св. Илия празднуется 20 июля, а св. Анна — 26 июля. Это понятно, так как середина лета — время самых сильных бурь и гроз.

§ 19. У многих славянских народов бытует традиционное представление, что облака связаны с душами умерших людей. Так, в южной Польше обнаруживается верование, что облака — это летящие по небу благословенные души. В восточных областях Польши считают, что облака в небе гоняют после смерти самоубийцы. Сербь считают, что грозовыми облаками повелевают души утопленников и висельников. Интересно, что отзвуки очень сходных образов можно найти в литовском разговорном языке и фольклорных текстах, например: *Važineja balti, stambi debesys: bočiai (mirę seneliai, protėviai) važinėjas, sako* 'Едут (плывут) белые, плотные облака: умершие праотцы едут, говорят' [LKŽ XVIII: 408]; *Toli mano giminėlis, už debesėlių* 'Далеко моя родня, за облаками'

²³ В фольклорных текстах иногда и само облако ездит на колеснице: *Važiuk, debesėli, sunkiuose ratuose, atvažiuok, saulele, rateliuose, rateliuose* 'Уезжай, облачко, на тяжелой колеснице, приезжай, солнышко, в легкой повозочке' [Balys 1998–2004, I: 240].

²⁴ Интересно, что болгары легкие белые облака называют «овцами Ильи-пророка», а чехи считают, что облака пасет св. Петр [СД III: 503].

²⁵ Кое-где с облаками управляется св. Тихон. Он живет на небе, в густом тумане, черпает воду из моря, а потом заботится о дожде [Левкиевская 2000: 90]. Как уже указывалось выше, покровителями туч выступают также св. Елсна, св. Савва, Козьма и Дамиан, а также Герман [СД II: 152].

²⁶ У белорусов в случае такого несчастья принято обращаться к св. Марку: *Сьветы Марку, розьнесі гэту хмарку* [Толстая 2005: 240].

[AM: 25]. Кроме того, у славянских народов с облаками связывают мифическое женское существо, что отражается в названиях грозовых облаков, например, чешское *babka* ‘темное облако’, *baby* ‘грозовые облака’, польское *baby, babuny* ‘дождевые облака’ [Виноградова 2000: 87–88]²⁷. В нашем литовском материале не обнаружилось подобного явления, но следует отметить, что в современном русском языке один из эпитетов к слову *туча* — *грудастая* [СЭРР: 469], *черногрудия* [СЭРР: 470], к *облаку* — *белогрудое* [СЭРР: 290]. Эти метафорические эпитеты, очевидно, основаны на способности тучи проливаться дождем (ср. § 6 о дойных коровушках).

§ 20. В литовском языке облака довольно часто сравниваются и с изготовленными людьми вещами. Это относится прежде всего к полотну и сшитым из него предметам (простыня, белье, другие вещи). Мы зафиксировали 11 таких выражений с переносным значением, напр.: *Dangus apsitraukė kaip su drobule (paklode), visą dieną ruog[ia] (smulkią lyją)* ‘Небо затянуло как холстинкой (простынкой), весь день сеет (мелкий дождь)’ [LKŽ XI: 968]; *Ploni, skysti debesys lyg išskidėjęs marškonis nudraikė padangę* ‘Тонкие, жиденькие облака как выношенное (редкое) полотно разбросаны по небу’ [LKŽ XII: 863]; *Ten skystas debesys, tik kol žemai, atrodo juodas ir sunkus. Iš tikrųjų — tik marška (drobinė paklodė)* ‘Там жиденькое облако, только до тех пор, пока низко, выглядит черным и тяжелым. На самом деле — только простыня (холстинка)’ [Vaičiulaitis 1994: 62]; *Rugsėjo saulė blyški, šildo kap per paklotę* ‘Сентябрьское солнце неяркое, греет как сквозь простыню’ [LKŽ XIV: 781]; *Snieginių debesų duknos (patalai)* ‘Перина снежных облаков’ [LKŽ II: 806]; *Tai debesys — kaip maišas (labai juodas)* [FŽ: 407] ‘Это облако — как мешок (очень черное)’; *Pilkas niūrus dangus suplyšo didžiuliais debesų skaruliais (skudurais)* ‘Серое хмурое небо покрылось большими лохмотьями облаков’ [LKŽ XII: 763]; *Iš vėjo genamų pilkų debesų skarmalų jau krapnojo lietutis* ‘Из гонимых ветром серых лохмотьев туч уже накрапывал дождик’ [LKŽ XII: 758]; *Linus reikia sėt, kai ant dangaus debesėliai šniūrais arba juostom matos* ‘Лен надо сеять, когда облака на небе напоминают пояс или шнур’²⁸ [LKŽ XV: 196].

²⁷ С облаками могут быть связаны и другие персонажи. Так, для македонцев облака и темный туман — это атрибуты злого дракона *ламии*, который приводит облака с градом и уничтожает посевы. Похожие верования известны также сербам и болгарам [Плотникова 2000: 246].

²⁸ Метафору «облако — ткань» охотно используют как литовские, так и русские авторы, например: *Danguje tarytum Dievulis patiesė baltinti du didelius pilkus audeklus — du debesėlius* ‘В небе словно Бог разостлал для отбелики два больших серых полотна — два облака’ [Vienuolis 1954. I: 176]; *К закату собирались длин-*

§ 21. Как видно по примерам, тонкие облака в литовском языке сравниваются с истрепанной, редкой тканью, затянувший небо густой слой облаков — с холстом, полотном, простыней. Толстые, рыхлые облака — это пуховое одеяло или перина²⁹. Уныло звучит песня сувалкийцев, где поется о горах черных туч — одеялах бездомных цыган (см. § 11). Черные, огромные грозовые тучи сравниваются также с мешком. Этот образ сформировался из-за сходства темного облака с тяжелым, набитым мешком. Он хорошо коррелирует с зафиксированным в далекой от Литвы Галиции представлением, что облака — это наполненные водой дырявые мешки, сквозь прорехи которых идет дождь. Если такой мешок продырявится еще больше, начнется сильный ливень [Ермолов 1905: 140]³⁰. Из-за ассоциативного сходства по форме появляются и выражения «облако — пояс или шнур, лента»; в этом случае имеются в виду длинные облака. В словарях литовского языка не зафиксирована метафора «облако — одежда»³¹, однако весьма популярна метафора «облако — изношенная ткань, тряпка». Такие метафорические образы можно найти и в русском языке: *Серые лохмотья туч свисали низко* [ССРЛЯ VI: 378]. Обычно это говорится об облаках с неровными, рваными краями. Эта метафора очень выразительно представлена в прозе А. Чехова, напр.: *На ее [тучи] краю висели большие черные лохмотья* [Чехов 1986: 316]; *Черные лохмотья [туч] слева уже поднимались кверху, и одно из них, грубое, неуклюжее, похожее на лапу с пальцами, тянулось к луне* [Там же: 317].

ные перистые ткани тучек [Бунин 1983: 52]. В русской поэзии встречаются и другие, «нарядные» сравнения: *И облако как тюль, и солнце эжжет, паля* ([Времена года 2006: 114]: И. Северянин); *Небеса опускаются наземь, точно завеса бахромы* [Пастернак 1998: 251]. Такие образы помогают созданию впечатления легкости и романтичности. К группе «облако — ткань» мы отнесли также сравнение «облако — парус», например: *Debesis neša lyg baltas bures* 'Облака несет, словно белые паруса' ([LP II: 363]: E. Matuzevičius); *...[облака] плоские и продолговатые, как опустившиеся паруса* [СЭРР: 291].

²⁹ В художественном тексте солнце отправляется спать в пуховую перину, например: *[Saulė] nurktelejo į miegą debesų patalė* 'Солнце погрузилось в сон в перину из облаков' [Vaižgantas 1969, II: 124].

³⁰ Ср. с распространенной в Польше загадкой: *Kiedy najwięcej jest dziur na niebie? — Jak deszcz pada* 'Когда на небе больше всего дыр? — Во время дождя' [PZL: 220]. Этот образ регулярно воспроизводится также в современных русских загадках, напр.: *Надо мною, над тобою Пролетел мешок с водою, наскокид на дальний лес, прохудился и исчез* [Загадки: сборник 6].

³¹ Подобную метафору можно найти только в поэтических текстах, например: *Pavasariniai debesys slenka — pilkos milinės* 'Весной ползут облака — серые шинели' ([LP II: 48]: S. Nėris); *Debesų skara kuota austa žvaigždėmis* 'Облаков бахромчатый платок выткан звездами' [Bradūnas 1990: 160]; *Mėnesis. atsupes debesio skvernus* 'Месяц, откинув полу облака' [Aistis 1988: 62].

§ 22. В русской традиционной культуре зафиксирована красивая фольклорная метафора «облако — небесная одежда, радуга — пояс», напр.: *Небеса облаками одеваются, радугою опоясываются* [Ермолов 1905: 159]. Небо здесь понимается антропоморфно³². В русских заговорах заговариваемый отдает себя под покровительство небес словами: *Облаками облачуся, небесами покроюся* [Афанасьев 1982: 133]. Традицию этой метафоры продолжает русская художественная литература, например: *Любят они луну-кокетку, которая бы наряжалась в налевые облака* [СЭРР: 290]; *И сизым облаком повит, твой снег сияньем розоватым на кручах каменных горит* [СЭРР: 290]. Вообще метафору «облако — одежда» можно найти и в словарях русского языка, и в поэзии. Легкие, ажурные, прозрачные облака ассоциируются с прозрачной, тонкой газовой косынкой или узорной фатой, напр.: *Солнце сквозь них просвечивало, как сквозь белые газовые косынки* [ССРЛЯ IX: 1034]; *И как легко фатой узорной плывут два облачка на юг!* [Бунин 1995: 67]; *И перламутром тонких волн спадают тучек шарф нагрудный* ([Времена года 2006: 234]; Т. Тимашева).

§ 23. Метафорическое представление облаков как ткани или сшитой из нее вещи вызывает мысль, что они могут прохудиться, прорваться. Такого рода метафоры встречаются как в литовском, так и в русском языках, например: *Paskui susyk, tartum debesys būtų prakiure, pliūptelėjo smarki liūtis* ‘Потом вдруг, словно из прохудившихся облаков, хлынул дождь’ [Vaičiulaitis 1994: 13]; *Svaido aplinkui iš praplyšusių debesų sniegą* ‘Вокруг кидало снег из прохудившихся облаков’ [Biliūnas 1954–1955, I: 109]; *Debesų dugnas iškrito*³³ ‘Выпало дно облаков’ (о долгом непрекращающемся дожде) [FŽ: 141]. В последнем примере облака, очевидно, понимаются как вещь, имеющая дно и сделанная из более плотного материала, чем ткань. Как видно, метафорическая система склонна приписывать атмосферным явлениям определенную форму, структуру, консистенцию и под. В русском языке также находим подобные примеры: *Ливень полил, словно тучу прорвало* [Ермолов 1905: 142].

³² Сходную метафору фольклорного происхождения использует А. Веноулис: *Perrišusi juodą debesį, laumės juosta traukė iš upės vandenį* ‘Перетянувший черную тучу пояс лаумы пьет из реки воду’ (пояс лаумы — устойчивое обозначение радуги в литовском языке) [Vienulis 1954, I: 359].

³³ То, что облака понимаются как сделанные из материала вещи, показывают также легенды и предания, например: *Kitą kartą milžinai, trobas statydami, pusryčių, pietų eidami, kirvius savo ant debesų pasikabindavę* ‘Другой раз великаны, строя избы, идя на завтрак или обед, свои топоры на облака вешали’ [LT IV: 596]; *Debesis į debesį trinas, ir iš to kyla griaustinis ir žaibas* ‘Облака трутся друг о друга, от этого получается гром и молния’ [Balys 1998–2004, I: 55].

§ 24. От этих рассуждений удобно перейти к другой доминирующей лексико-семантической группе: к примерам, в которых облака (тучи) сравниваются с предметами домашнего обихода. Зафиксировано 5 литовских примеров такого рода: *Kai sėjant avižas šluotos būna ant dangaus, tai avižos esti malatingos (derlingos)* 'Когда во время сева овса на небе бывают метлы, то будет много овса для молотбы (овес уродится)' [Balys 1986: 53]; *Storai ūkas, debesys bėga dideliais valkčiais* 'Небо туманится, тучи бегут огромными волокушами'³⁴ [LKŽ XVIII: 54]; *Miško viršūnes prislegia sunkūs debesų volai* 'Верхушки леса давят тяжелые валики туч' [Katiliškis 1993: 208]; *Dangus kaip šikšna* 'Небо, как невыделанная кожа' (о затянутом облаками небе) [LKŽ II: 261]; уже приводимое *perkūno vežimas* 'колесница пяркунаса' [LKŽ IX: 834] (см. об облаках как других транспортных средствах в § 18–19). Жемайтйская метафора «облако — волокуши» семантически может быть связана с встречающейся у жемайтйцев лексемой *lytvalkos* 'дождевые облака' (компонит, содержащий корень *lyt(us)* — 'дождь' и *vilkti* 'волочить, тащить'), например: *Lytvalkos eis par visą dangų, netolie jau lytus* 'Дождевые облака идут по всему небу, близко уже дождь' [LKŽ VII: 596]. В русском языке сравнения облаков с предметами домашнего обихода, по нашим наблюдениям, не имеют широкого распространения, можно привести как пример загадку: *Ел, ел конь, да в ясли упал* (месяц за облаками) [Садовников 1959: 213], изредка встречаются такие образы в художественной литературе, например: *И полдень с берега крутого закинул облака в пруды как переметы рыболова* [Пастернак 1998: 486]. Очень оригинальную фольклорную метафору находим в загадке: *Гроб плывет, мертвец ревет, ладан пышет, свечи горят* (туча, гром, молния) [Даль 1989: 405]. Метафора «облако — гроб с мертвецом» может быть связана с древним представлением о загробной жизни и убеждением, что мертвые живут на облаках (ср. § 19), хотя упоминаемые в загадке реалии (свечи, ладан), без сомнения, относятся к более поздней христианской похоронной обрядовости³⁵. В связи с рассматриваемым примером нельзя не указать на метафору «облако — корабль (лодка)», извест-

³⁴ Имеются в виду самые простые сани, используемые для перевозки сена из болотистых низин, или же сено, которое помещается на таких санях.

³⁵ По мнению Д. Н. Садовникова, уподобление черной грозовой тучи гробу обосновательно и возникло в результате «механистического отнесения образов одной загадки к ряду предметов», то есть контаминации с загадкой про Иону (*Гроб плывет, в нем мертвец поет*) [Садовников 1959: 233]; А. Н. Афанасьев же связывает образ плавающего гроба с представлением о туче как корабле, трактуя загадку как изображение тучи, несущей пробужденного после зимней спячки бога-громовержца [Афанасьев 1982: 139].

ную как в русском, так и в литовском языке. В литовской поэзии этот образ («облако — корабль / паром») можно найти в творчестве С. Нерис, К. Брадунаса, В. Мачерниса, например: *Užkelia mane ant debesėlių plausto* ‘Меня подняло на паром из облачков’ [Mačernis 1990: 97]; *Tolimam danguj du debesėliai balti balti lyg jūros du maži laiveliai supos* ‘В далеком небе два облачка белые-белые, как два морских кораблика кружат’ [Ibid.: 28]³⁶.

§ 25. Часто, особенно в жемайтийских говорах, облака ассоциируются с различными архитектурными формами, отдельными фрагментами зданий. У нас есть 4 таких примера: *Kartais lyg stogai, lygu žemės gabalas, rodos, važiuojas; kartais nelyna, važiuona i nuvažiuona ans* ‘Иногда, как крыши, как комья земли, кажется, плывут [облака]; временами дождя не случается, плывут, так и уплывают’ [LKŽ XVIII: 426]; *Juoda debesų siena jau buvo pakilusi* ‘Черная стена облаков уже поднялась’ [Vaičiulaitis 1994: 63]; *Užėina debesys kaip mūras* ‘Встанет облако, как стена’ [LKŽ II: 349]; *Mūrai kilst, gal prieš lytų* ‘Стены встают, видно, перед дождем’ [LKŽ VIII: 411]. Из наиболее оригинальных метафор литовской поэзии можно указать на мост из облаков у А. Малдониса: *Stovi toli horizonte žiema ant susiplakusio debesų tilto* ‘Стоит вдали у горизонта зима на мосту из облаков’ ([LP II: 43]: A. Maldonis). Такие образы отражают монументальность плотных кучевых облаков. Во многих жемайтийских говорах выражения *mūrai kilst[a]*, *mūrai ein[a]* — обычное определение дождевых туч, в них уже не ощущается образности.

§ 26. Сравнение величественных кучевых облаков с архитектурными формами встречаются в русском языке. Они достаточно редки в фольклорных, этнографических текстах, хотя, например, у В. Даля находим: *Солнце в стену садится (за сплошные облака по склону)* [Даль 1955, IV: 350]. Гораздо шире они распространены в литературных текстах, например, в творчестве И. Бунина: *Рубиновым огнем извилисто жгла сверху вниз по великой стене туч резкая, ветвистая молния* [Бунин 1987: 118]; *Под сводом хмурых туч* [Бунин 1990: 203]; *Облака как призраки развалин встали на заре из-за долин* [Бунин 1995: 76]; *Как нежны на алеющем закате кремли далеких синих облаков!* [Бунин 1990: 111]; ср. также у других авторов: *В весеннем небе замок белый Воздвигнут грудой облаков* ([Времена года 2006: 211]: Н. Крандиевская-Толстая); *В небе, как белые башни, Долго стоят облака* ([Времена года

³⁶ Ср. в традиционных метеорологических приметах далекой Германии: если облако похоже на корабль, на Рейне говорят, что дождь или жара зависят от того, в какую сторону повернут нос корабля (см. [Ермолов 1905: 153]).

2006: 24]: И. Савин)³⁷. Для обоих языков характерно, что метафорической системой подчеркивается своеобразный контраст кучевых и перистых облаков: кучевые облака — тяжелые, ассоциируются с монументальными, крупными объектами (крышами, стенами, в том числе городскими или крепостными), в то время как перистые облака — легкие, эфемерные, поэтому они обычно сравниваются с тканью, периной, покрывалом, птичьим пером.

§ 27. Поскольку облака — атмосферное явление, с трудом поддающееся счету, для их определения часто используются слова со значением определенного количества. У нас есть 11 литовских примеров такого рода: *Linus sėja, kaj debesys pluoštai* ‘Лен сеют, когда облака слоями’ [Balys 1986: 62]; *debesiukai smulkiais šmorais* ‘облака узкими полосками’ [Ibid.]; *Linus sėja, kaj dangui driekos (išsīdriekę debesys)* ‘Лен сеют, когда на небе волокна (расстилаются облака)’ [Ibid.]; *Kai debesys stovi sruogom, tai gerai linus sėt* ‘Когда облака стоят мотками, хорошо сеять лен’ [LKŽ XII: 597]; *Kamuoliukai kilo, kilo ir pasidarė didelės debesys* ‘Клубочки поднимались, поднимались и сделалось большое облако’ [LKŽ V: 190]; *Tiesias per aukštai pakilusį dangų debesėlių pakulotos sluoksnos* ‘Потянулись по высокому небу паклевые волокна облачков’ [LKŽ XIII: 58]; *Ne išvien debesuoja, bet gabalais duburiuoja* ‘Облака не сплошняком, но кусками, впадинами’ [Dulaitienė 1958: 102]; *Bulvės reikia sėti esant dangui kernotam — debesų kupetomis padengtam* ‘Картошку надо сажать, когда небо покрыто облаками в виде стогов (копен)’ [МК I: 119]; *Mėnuo <...> vėl vos matomas pro balzganus debesų skutus* ‘Месяц <...> опять едва виден сквозь белесые лоскуты облаков’ [LKŽ XII: 1162]; *Debesų skivyčiai pašėlusiai greit skriejo* ‘Ключья облаков летят бешено быстро’ [LKŽ XII: 959]; *Stambios tamsių debesų skiautės tebeklaidžiojo padangėje* ‘Плотные лоскуты темных туч все еще бродили по небу’ [LKŽ XII: 857].

§ 28. Некоторые из приведенных слов с переносным значением, указывающих на количество, могут относиться к скоплению облаков (туч), например: *pluoštai* ‘слои’, *sluoksnos* ‘волокна’, *sruogos* ‘мотки’ и др.; другие характеризуют небольшой фрагмент исчезающего облака, например: *skutai*, *skiautės* ‘лоскуты’, *skivyčiai* ‘ключья, лохмотья’ и др. Слова *driekos*, *šmorai* характеризуют мелкие, разорванные облака. В русском языке в примерах из ССРЛЯ и из русских литературных текстов к первой группе можно отнести слова *клубы*, *слой*, *груды*, *кучи*, напр.:

³⁷ Ср. также английское поверье, в котором также упоминаются гряды скал и башни облаков, прелвещающие дождь: *When clouds appear like rocks and towers, the earth is refreshed with frequent showers* [Ермолов 1905: 153].

Тяжело, огромными клубами они [облака] лезли одно на другое [ССРЛЯ VIII: 178]; *Необозримый облачный слой* [Бунин 1983: 234]; *В окно я вижу груды облаков* [Бунин 1995: 77]; *Сбежались тучки в одну кучку — быть ненастью* [Даль 1989: 376]. Фрагменты облаков в русском языке обычно определяются словом *клочья* [ССРЛЯ V: 1039], напр.: *Небольшие клочья белых облаков пролетают над самыми мачтами* [Паустовский 1965: 22]. Узкие, вытянутые облака определяются словами *полоса, полоска*, например: *Золотые полосы [облачков] потянулись по небу* [ССРЛЯ V: 1050]; *белые полосы облаков* [Бунин 1983: 53]. Довольно часто в русском языке для определения скопления виднеющихся на горизонте облаков используется слово *гряда (облаков)*, к более редким относятся *ряды*, например: *Заря меж синими рядами ревивных туч уж занялась* [СЭРР: 470]. Как видно по приведенному материалу, во многих случаях находятся соответствия между литовскими и русскими определениями, относящимися к довольно прозаической, бытовой, свойственной разговорному языку сфере.

§ 29. Осталось рассмотреть последнюю лексико-семантическую группу выражений с переносным значением — это выражения с определением формы. В литовском языке зафиксировано несколько таких выражений, например: *Jei linai bus pasėti, kada ant dangaus matosi debesėlių verpetai tai bus susisukę ir išgulę* ‘Если посещешь лен, когда на небе виден водоворот из облаков, то лен будет изломанным, полеглим’ [Balys 1986: 62]; *Žirnius reikia sėti, kai dangus yra pridengtas mažomis debesų vilnimis, tada ir žirniai augs tokiomis vilnimis* ‘Горох надо сеять, когда небо покрыто мелкими волнами облаков, тогда и горох вырастет такими же волнами’ [Ibid.: 56]; *Debesys eit[ai] stulpais, mūrais* ‘Облака идут столбами, стенами’ [LKŽ VIII: 411]; *Moterys mačiusios danguje kruvinus stulpus* ‘Женщины видели в небе кровавые столбы’³⁸ [LKŽ XIII: 1024]. По примерам видно, что в отношении к облакам используются те же слова, что и в отношении к воде: *волны, водоворот* и под. Использование слов, относящихся к водной стихии, по отношению к облакам, свойственно также русскому языку. Интересно, что литовскому *debesų vilnis* есть два русских соответствия: *волны облаков* (о более крупных облаках) и *зыбь облаков* (о более мелких облаках), например: *Океан белых застывших волн [облаков]* [Бунин 1983: 234]; *Зыбь облаков и мелка, и нежна* [Там же: 45]; *Легкой белой зыбью облака плывут* [Бунин 1990: 180]. В литовском языке об облаке часто говорится *šviesos stulpas* ‘столб света’, *debesies stulpas* ‘столб облака’; в русском языке

³⁸ Такое атмосферное явление традиционно рассматривается как предвещающее несчастье — эпидемию, войну и под.

аналогично употребляется *столб света, огненные столбы [облаков] в вышине* [ССРЛЯ XIV: 919]. Эта метафора красиво использована И. Буниным: *Нередко облако восходит и глядится блистающим столбом в зеркальный сон болот* [Бунин 1990: 116].

§ 30. Выражения с переносным обозначением облаков весьма разнообразны в литовском и русском языках, что, как уже отмечалось, обусловлено изменчивостью формы, цвета, плотностью, характером движения и другими качествами этого природного явления. Некоторые метафоры являются общими, причем не только для литовского и русского, но и для других языков (например, метафоры «облако — овца», «облако — большая птица», «облако — полотно», «облако — архитектурное сооружение»). Интересный пласт метафор, в котором отмечаются некоторые различия между двумя культурами, связан с мифологическими представлениями. Установлено также, что различия между языками в области метафоричности существуют и в других группах, ср., например, распространенность в литовском языке метафор «облако — метла, щетка» или «облако — растение, которое следует сеять», «облако — клубок ниток», антропоморфные образы «облака — представители чужой культуры», с одной стороны, и распространенность метафор «облака — волосы, космы», «облака — воины, странники», отсутствие сельскохозяйственных метафор в русском — с другой. Все эти особенности выявляют специфику языковой картины мира двух народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев 1982 — А. Н. Афанасьев. Древо жизни. М., 1982.
Бунин 1983 — И. А. Бунин. Рассказы. М., 1983.
Бунин 1984 — И. А. Бунин. Повести и рассказы. Баку, 1984.
Бунин 1987 — И. А. Бунин. Антоновские яблоки. Мурманск, 1987.
Бунин 1990 — И. А. Бунин. Стихотворения. М., 1990.
Бунин 1995 — И. А. Бунин. Свет незакатный. М., 1995.
ВБСХ — Как надо выращивать овес // Виртуальная библиотека по сельскому хозяйству. http://fadr.msu.ru/fin/crops/how_oats.html (11.11. 2007).
Виноградова 2000 — Л. Н. Виноградова. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
Виноградова, Толстая 1995 — Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая. Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд // Малые формы фольклора. М., 1995.
Времена года — Времена года в поэзии Серебряного века. Какие дни и вечера! / Сост. Л. Мезинов. М., 2006.
Даль 1955 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1955.
Даль 1989 — В. И. Даль. Пословицы русского народа. Т. 2. М., 1989.

- Ермолов 1905 — *А. С. Ермолов*. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. VI. СПб., 1905.
- Загадки — http://1000zagadok.net/2007/10/10/sbornik_6.html (11.11.2007).
- Калайдина — <http://zagadki.kalaidina.ru/10.htm> (10.11.2007).
- Коницкая, Ясюнайте 2006 — *Е. Коницкая, Б. Ясюнайте*. Жаворонков снег (происхождение снега в традиционной культуре) // Балто-славянские исследования. XVII. М., 2006.
- Куприн 1985 — *А. И. Куприн*. Избранные сочинения. М., 1985.
- Левкиевская 2000 — *Е. Левкиевская*. Мифы русского народа. М., 2000.
- МЖРФ — Малые жанры русского фольклора. М., 1986.
- Некрасов 1987 — *Н. А. Некрасов*. Избранные сочинения. М., 1987.
- Пастернак 1998 — *Б. Пастернак*. Избранные произведения. М., 1998.
- Паустовский 1965 — *К. Паустовский*. Избранная проза. М., 1965.
- Плотникова 2000 — *А. А. Плотникова*. Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян // Славянский и балканский фольклор. М., 2000.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Т. 1. Л., 1967.
- Потапов 1977 — *Л. П. Потапов*. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Л., 1977.
- РЗЗ — Русские заговоры и заклинания / Отв. ред. В. П. Аникин. М., 1998.
- Садовников 1959 — Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Н. Садовников. М., 1959.
- СД I–III — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995; Т. 2. 1999; Т. 3. 2004.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1951–1965.
- Стихи для детей — Стихи и песни для детей. Облака <http://lel.khv.ru/poems/poems.html?ctg=12> (11.10.2007).
- СФ — Славянский фольклор. Тексты / Сост. Н. И. Кравцов, А. В. Куланина. М., 1987.
- СЭРР — *К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло*. Словарь эпитетов русского языка. М., 1979.
- Толстая 2005 — *С. М. Толстая*. Полесский народный календарь. М., 2005.
- Толстой 1997 — *Н. И. Толстой*. Об изучении полесской лексики // *Н. И. Толстой*. Избранные труды. Т. 1. М., 1997.
- Усачева 1999 — *В. В. Усачева*. Из истории культурных растений: картофель // Славянские этюды. М., 1999.
- Чехов 1986 — *А. П. Чехов*. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1986.
- Aistis 1988 — *J. Aistis*. Katarisis. Vilnius, 1988.
- AM — Aukštaičių melodijos / Sud. L. Burkšaitienė, D. Krištopaitė. Vilnius, 1990.
- Andriušis 1992 — *P. Andriušis*. Anoj pusėj ežero. Vilnius, 1992.
- Balys 1986 — *J. Balys*. Lietuvių žemdirbystės papročiai ir tikėjimai. Silver Spring, 1986.
- Balys 1993 — *J. Balys*. Lietuvių kalendorinės šventės. Vilnius, 1993.
- Balys 1998–2004 — *J. Balys*. Raštai. Т. 1–5. Vilnius, 1998–2004.
- Bilniūnas 1954–1955 — *J. Bilniūnas*. Raštai. Vilnius, 1954–1955.
- Bradūnas 1990 — *K. Bradūnas*. Prie vieno stalo: poezijos rinktinė. Vilnius, 1990.
- Dulaitienė 1958 — *E. Dulaitienė*. Kupiškėnų senovė. Vilnius, 1958.
- FŽ — Frazеologijos žodynas / Red. J. Paulauskas. Vilnius, 2001.
- Jasiūnaitė 2005 — *B. Jasiūnaitė*. Eufemizmai tarmėse bei tautosakoje: problemos ir perspektyvos // Baltistika. VI priedas. 2005.

- Jasiūnaitė, Konickaja 2004 — *B. Jasiūnaitė, J. Konickaja*. «Atlėkė paukštis be sparnų» (Atmosferos reiškiniai frazeologijoje: sniegas) // *Kalbotyra*. LII (1), 2004.
- Katiliškis 1993 — *M. Katiliškis*. Užuoovėja. Vilnius, 1993.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. T. I–XX. Vilnius, 1941–2002.
- LP — Lietuvių poezija (antologija). Vilnius, 1967–1969.
- LT — Lietuvių tautosaka. T. 1–5. Vilnius, 1962–1968.
- Mačernis 1990 — *V. Mačernis*. Po ūkanotu nežinios dangum: poezija, proza, laiškai. Vilnius, 1990.
- MK — Mūsų kraštas. 1992. № 1.
- PZL — Polskie zagadki ludowe / Wybrał i opracował Sławomir Folfasiński. Warszawa, 1975.
- TD — Tautosakos darbai. Lietuvių tautosakos archyvo leidinys. T. I–VII. Kaunas, 1935–1940.
- Vaičiulaitis 1994 — *A. Vaičiulaitis*. Popiežiaus paukštė. Vilnius, 1994.
- Vaižgantas 1969 — *J. Tumas-Vaižgantas*. Pragiedruliai. Vilnius, 1969.
- Vienuolis 1954 — *A. Vienuolis*. Raštai. Vilnius, 1954.